

Спите крепко, палач с палачихой!
Улыбайтесь друг другу любовней!
Ты ж, о нежный, ты кроткий, ты тихий,
В целом мире тебя нет виновней!

Иннокентий Анненский

Глава первая

Высокие кованые двери открылись, Маша очутилась в полутемном коридоре, сквозь панический стук сердца услышала, как мужской голос объявил:

— Танец Жанны из балета «Пламя Парижа». Музыка Асафьева, сценография Дмитриева, исполняет солистка балета Государственного Большого театра Мария Крылова.

Маша выбежала на сцену. Хрустальный свет огромных люстр ослепил. Все сверкало и переливалось, словно она попала в центр гигантского бело-золотого фейерверка. Самый длинный стол стоял прямо перед сценой, дальше множество столов, белые скатерти, зеленые бутылки, пестрота снеди, смутные пятна лиц.

Натертый паркет оказался слишком скользким, но испугаться она не успела. Знакомые аккорды фортепиано подхватили ее, как живые невидимые руки, завертели, вскинули в первом, высоком и долгом прыжке. Приземлившись, Маша заметила, что за главным столом зрители сидят спиной к сцене.

На каждом витке фуэте она ловила мгновенную, как вспышка, картинку. Розовый ломоть семги дрожит на вилке. Кусок хлеба застыл в толстых пальцах, с него сползает на белую скатерть горка черной икры. Полная до краев рюмка. Судя по цвету, коньяк. Следующий виток — рюмка пуста.

Центральная фигура за главным столом сидела вполоборота. Маша успевала разглядеть только детали. Покатые узкие плечи. Щетинистый валик между затылком и воротником френча. Вялая крапчатая щека. Кончик уса, нос, глаз, бровь.

«Все-таки иногда поглядывает, — отметила про себя Маша, — поглядывает с интересом, но продолжает жевать».

Квадратная голова Молотова была обращена к сцене затылком. Дедуля Калинин сидел боком, жевал, шевелия бородкой. Берия,

индюк в пенсне, развернулся, глазел, ковыряя в зубах спичкой. Ворошилов сгорбился, голову вжал, пил рюмку за рюмкой.

Маша знала, почему славный маршал такой пришибленный. Он обещал победить белофиннов к 21 декабря, к шестидесятилетию товарища Сталина, сегодня 22 декабря, а победой пока не пахнет.

Центральная фигура стукнула стулом, рядом мгновенно выросли молодые люди в штатском, бережно развернули стул вместе с фигурой и сразу исчезли. Товарищ Сталин перестал жевать, внимательно смотрел на сцену.

Ритм танца нарастал. В диком allegro крутилась алая юбка, трепетал белый батист пышных рукавов. «Прыжки басков», повороты в воздухе, скачки «субресо», с долгим отлетом вперед, тело выгибается в воздухе крутой дугой, затылок почти касается сжатых пяток, пируэты, пробежки на пуантах, дробь, с пятки на носок, с носка на пятку, большое фуэте, тридцать два оборота без остановки.

На очередном витке она заметила, что теперь все за главным столом развернулись и смотрят, как здорово отплясывает солистка Крылова.

Маша исполнила свой коронный кабриоль, высокий прыжок, несколько быстрых ударов ногой о ногу. Почти не приземляясь, зависая невероятно высоко и долго, она кроила ногами воздух Георгиевского зала, летала над скользкой сценой и наконец застыла в арабеске. Последняя пара прыжков была импровизацией, музыка стихла. Арабеска совпала с мгновением тишины. Под шквал аплодисментов Маша сделала реверанс, потом отвесила красивый русский поклон в пояс, а когда распрямилась, сумела, наконец, разглядеть лицо центральной фигуры.

Она часто видела его издали, со сцены, в полумраке правительственной ложи, но еще ни разу так близко, при ярком свете.

Тусклые сощуренные глаза, толстый нос, мятые рябые щеки. Виски аккуратно выбриты. Неприятная диспропорция: лоб и вся голова слишком малы, а лицо большое, тяжелое, отечное. Шевелюра густая, тщательно уложенная на косой пробор, зрительно увеличивает объем черепа, но все равно маловат гениальный

череп. И вообще, не похож этот пожилой нездоровый кавказец на свои бесчисленные парадные изображения.

Маленькие, почти женские, кисти товарища Сталина двигались, смыкались, размыкались. Сквозь шум аплодисментов огромного зала Маша отчетливо различала отдельный, особенный звук этих медленных, мягких хлопков, и счастливо, широко улыбалась.

Зал продолжал аплодировать, а товарищ Сталин перестал. Рука его протягивала бокал в сторону сцены. Усы вздернулись в ответной улыбке. Он смотрел прямо в глаза солистке, слегка покачивался и даже как будто подмигивал.

Маша застыла, не понимая, что ей делать. Специальные люди вдалбливали всем участникам концерта: сразу уходить, не задерживаться, в зал не спускаться!

«Как же уйти, когда он угощает? — думала Маша. — Надо спуститься! Или не угощает, а сам будет пить из этого бокала?»

Но тут фортепиано опять заиграло. Аплодисменты смолкли. Маша повторила кабриоль, прокрутила короткое фуэте и после быстрого поклона умчалась прочь, не оглядываясь.

В коридоре, пробегая вдоль рядов охраны, она налетела на знаменитого баса Максима Дормидонтовича Михайлова. Хотела извиниться, но не смогла произнести ни слова, во рту пересохло, язык прилип к нёбу. Михайлов мимоходом похлопал ее по плечу и прошествовал дальше, к сцене. Прежде чем проскользнуть назад, в проем между литыми высоченными створками, она услышала раскаты мощного баса Михайлова:

Степь, да степь кругом,
Путь далек лежит...

Остаток пути она прошла медленно, словно утопая до пояса в снегу и замерзая, как тот ямщик в глухой степи.

Оказавшись наконец в маленькой душной комнате, она бесильно опустилась на вытертый коврик, уткнулась лбом в колени, выдохнула:

— Все...

Маша до последнего момента не верила, что ей придется выступить в Георгиевском зале, на концерте, посвященном шестидесятилетию товарища Сталина. Балет «Пламя Парижа» очень ему нравился, партия Жанны обязана была войти в программу, и непременно в исполнении его любимой балерины Ольги Лепешинской. Но Лепешинская упала на репетиции и повредила голеностоп. Другая прима Большого, Марина Семенова, была вдовой врага народа, недавно расстрелянного Карахана, и допустить ее к участию в юбилейном концерте не могли.

Маша уже год танцевала Жанну во втором составе. В чью-то административную голову пришла идея — не менять утвержденную дюжиной инстанций программу, а поставить другую исполнительницу. В Большом зале консерватории, где проходили репетиции концерта, Маша трижды станцевала перед комиссией. Комиссия одобрила. В тот же день ее вызвали в зловещую комнату возле канцелярии, в кабинет главного кадровика Большого театра.

Суетливый толстяк с бледным плоским лицом и неуловимым взглядом не поздоровался, не предложил сесть, спросил сурово, осознает ли она всю степень ответственности? Понимает ли, какая величайшая честь ей оказана? Готова ли оправдать доверие партийной организации, коллектива, всего советского народа? На «советском народе» кадровик глухо закашлялся, глотнул воды, расплескав из стакана несколько капель на стол, и вместо просто «Крылова», обратился к Маше «товарищ Крылова», перешел на «вы», поднялся, повернулся лицом к портрету на стене, поднял руку, сложил пальцы в щепоть. Маше показалось, что кадровик сейчас перекрестится. Он держал руку поднятой минуты две, пока произносил, вернее, пел остаток речи. Маша подумала, что с таким сладким тенором он сам бы мог участвовать в концерте.

Исполнив свою партию, тенор уронил руку, сел на место и уже другим, не концертным голосом, отрывисто и деловито пролаял:

— Завтра в двенадцать часов машина заберет вас из театра. Вы должны быть полностью готовы. При себе никаких вещей. Только документы.

— А костюм? — изумленно спросила Маша.

— Сказано: полностью готовы. Переоденетесь заранее, в театре.

— Мороз тридцать градусов, я окоченею...

— Вы ж не по улице пойдете. Сказано: машина заберет.

— А грим?

— Тоже заранее.

— Обязательно перед выходом надо поправить грим, и потом, расческа, запасные шпильки, канифоль...

— Что-о? — прошептал кадровик, бледнея, словно речь шла о холодном оружии и взрывчатом веществе.

— Шпильки для волос, канифолью натирают подошвы балетных туфель, чтобы не скользили, — объяснила Маша.

После долгих пререканий ей дозволено было взять с собой только туфли и грим.

Маша давно привыкла к проверкам и досмотрам. Когда в театр приезжали члены Политбюро, он весь наполнялся охраной, в форме и в штатском, но тут, на территории Кремля, творилось нечто особенное.

От Спасских ворот до Большого Кремлевского дворца красноармейцы стояли в два ряда, между рядами гуськом шли участники концерта к артистическому входу. Охрана дважды рылась в сумке, сначала у ворот, потом на входе во дворец. Прощупали стельки балетных туфель, потребовали выложить на стол содержимое карманов шубы, заставили снять вязаную кофту, которую Маша накинула на костюм, размотать оренбургский платок. Все протрясли и прощупали. Фамилию на спецпропуске без конца сверяли со списком, с фамилией в паспорте, лицо — с паспортной фотографией. Десятки глаз впивались, просвечивали насквозь, отслеживали каждое движение.

Машу вначале отправили в большую артистическую, где разместились ансамбль песни и пляски Александрова. Там было тесно, танцовщики по очереди разогревались, Маше не хватило стула. Пока она искала, где приткнуться, прошел слух: концерт отменяется. Рядом зашептали, что из-за плохих дел на Финском фронте товарищ Сталин раздумал праздновать свой юбилей. Кто-то возразил, что концерт состоится, но поздно ночью, когда закончится

заседание. Все это были только слухи, точно никто ничего не знал. Вдруг Маша услышала свою фамилию, испугалась, что прямо сейчас позовут на сцену, но нет, двое красноармейцев, как под конвоем, повели в отдельную артистическую. По дороге она решила спросить, правда ли, что концерт отменяют, но ответа не получила. Спросила, есть ли тут уборная. Ответили: в конце коридора, правая дверь.

В крошечной комнатке, наедине с облезлым канцелярским столом, стулом и мутным зеркалом пришлось провести почти шесть часов. На столе стоял графин, накрытый стаканом. Маша использовала спинку стула в качестве станка, разогревалась, разминалась, пила мелкими глотками кипяченую воду, причесывалась, поправляла грим. Время тянулось страшно медленно, в какой-то момент стало казаться, что она сидит тут уже несколько суток. Дважды без стука распахивалась дверь, на пороге возникали фигуры в форме. На робкое «здраси» никто не отвечал. Молча смотрели и уходили.

Когда ее вызвали, она не поверила своим ушам, дико занервничала, заметалась, хватая то расческу, то банку румян, в последний момент заметила, что оборка юбки держится на соплях и может оторваться во время танца. Проклиная себя, что не закрепила заранее эту несчастную оборку, захлебываясь стуком сердца, Маша просеменила по коридору и через минуту оказалась на скользкой сцене Георгиевского зала.

Никогда она не танцевала партию Жанны с таким азартом. Унижение, страх, злость переполнили ее, и танец получился как взрыв. Она ни разу не поскользнулась при сложных приземлениях, оборка не оторвалась. Товарищу Сталину понравились высокие прыжки, долгие фуэте, незапланированный кабриоль. Завтра в «Правде» появится сообщение ТАСС о концерте, в списке участников будет ее фамилия. Но ни радости, ни облегчения она не чувствовала, боялась взглянуть в зеркало, сидела на вытертом коврикe у стола, обняв дрожащие колени, тихо повторяла:

— Все, все, все...

* * *

Сотрудникам Особого сектора присутствовать на кремлевских банкетах и концертах не полагалось. Особый сектор был теневым кабинетом, личным секретариатом Сталина. Двенадцать спецреферентов, составлявших для Хозяина аналитические сводки по всем областям государственной жизни, держались даже не в тени, а практически в небытии. Об их существовании знали только члены Политбюро, высшие чины НКВД, некоторые наркомы и узкий круг кремлевской обслуги. Для остального мира внутри и снаружи СССР товарищ Сталин самостоятельно, без чьей-либо помощи, ежедневно переваривал мегатонны информации, прочитывал тысячи страниц документов, газет, журналов, писем трудящихся, никогда не спал, все успевал, все знал.

Илья Петрович Крылов, сотрудник Особого сектора, спецреферент по Германии, ждал жену в артистическом подъезде. Его удостоверение позволяло ему войти куда угодно на территории Кремля, но сегодня в Большой Кремлевский дворец пускали только по спецпропускам, с подписью Власика, начальника сталинской охраны. Чтобы получить такую бумажку, Илья Петрович должен был обратиться с просьбой к самому Хозяину. Ни Власик, ни Берия не решились бы нарушить неписанный закон и позволить спецреференту явиться на юбилейный концерт. Разумеется, Хозяин знал, что солистка балета Мария Крылова, которая сегодня танцует вместо Лепешинской, — жена товарища Крылова. Два года назад он лично поздравил их по телефону с законным браком и прислал букет роз, выращенных собственноручно в теплице. Но с тех пор ни разу не поинтересовался семейной жизнью своего спецреферента. Бог миловал. Никогда ничего хорошего такой интерес не сулил. Илья давно твердо усвоил: если есть возможность не напоминать Хозяину о себе и о своих близких, то не стоит этого делать.

О времени Машиного выхода Илья узнал от Поскребышева, личного секретаря Хозяина и своего непосредственного начальника, и ждал ее в артистическом подъезде у поста охраны.

Когда он вошел в подъезд и показал удостоверение, его ни о чем не спросили. Рядовые охранники вытянулись в струнку. Но появился один из адъютантов Власика, пришлось еще раз показать книжечку и объяснить, что он тут ждет жену, артистку балета.

— Крылова? — уточнил адъютант. — «Пламя Парижа»?

Илья кивнул.

— Закончила уже выступать, сейчас выйдет. — Адъютант неожиданно улыбнулся. — Здорово пляшет супруга ваша, товарищ Крылов.

— Спасибо. — Илья улыбнулся в ответ и увидел Машу.

В ярком электрическом свете лицо ее казалось неживым, кукольным, наверное, из-за грима. Она шла в накиннутой на плечи поверх сценического костюма шубе. Оренбургский платок свисал из рукава и волочился по малиновой ковровой дорожке. Вблизи Илья заметил, что глаза у нее воспаленные, мокрые.

— Ой, Илюша, ой-ой-ой, — бормотала она, пока он помогал ей одеваться.

По дороге от Спасских ворот к Васильевскому спуску, где Илья оставил свой «Бьюик», она не произнесла ни слова, тихо жалобно поскуливала. Когда сели в машину, Илья спросил:

— Домой?

— Нет, давай немножко покатаемся.

Пока он заводил мотор, она сидела, уткнувшись лбом ему в плечо, не шевелилась.

— Ну, ты чего? Мне сказали, ты танцевала здорово. Да я и не сомневался.

— Не знаю...

— Ты ела что-нибудь?

Она молча помотала головой.

— Поужинаем в «Национале»?

— Не хочу... Интересно, кто это придумал — сажать правительство спиной к сцене? Они так всегда сидят или только в честь его юбилея?

— Всегда. Они смотрели на тебя? Он смотрел?

— Сначала косился, шею выворачивал, потом стул под ним развернули. Ему понравилось, он хлопал и улыбался... Георгиев-

ский зал очень красивый, бело-золотой, торжественный, только сцена ужасно скользкая, хорошо, у ансамбля Александрова был ящичек с канифолью, я успела подошвы натереть, а то бы непременно грохнулась.

Голос ее звучал уныло, Илья вел машину и видел краем глаза заострившийся профиль. Прядь выбилась из-под платка, ресницы дрожали.

— Что тебя мучает, Манечка?

— Ничего. Просто очень устала. Тяжело танцевать, когда они так близко и свет яркий... Может, поэтому их спиной к сцене и сажают, чтобы артистов не смущать?

— Интересная мысль.

— Мг-м... Останови, пожалуйста, давай подышим.

— Холодно, поедem домой.

— Капельку погуляем.

Илья остановился в Лебяжьем переулке, они вышли на набережную. Мороз немного ослаб, ветра не было, небо заволокло светлой кисеей облаков, мелкий редкий снег сверкал под фонарями и казался звездной пылью.

— А в Ленинграде затемнение. — Маша поймала варежкой снежинку.

— Ну, прифронтовой город.

— Бедный, бедный Май. За что ему такой ужас?

«Вот в чем дело», — подумал Илья.

Он ждал, что рано или поздно она заговорит об этом. Еще до начала Финской войны, в октябре, призвали в армию ее давнего друга и партнера Мая Суздальцева.

Май был ленинградец, в Москву переехал к бабушке, после того как его родителей посадили. Бабушка умерла, он остался один, жил в общежитии. Солиста из него не вышло. Пару лет назад он вполне удачно исполнил партию Злого петуха в балете «Аистенок», получил еще несколько второстепенных партий, но после смерти бабушки и замужества Маши, в которую он был влюблен, что-то в нем надломилось. Май танцевал все хуже, пропускал репетиции.